

Евгений Павлов

Отпуск Глеба

18+

ЛЕТНИЙ ЭРОТИЧЕСКИЙ РОМАН

Евгений Павлов

Отпуск Глеба

<https://litres.ru/74042176>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой симпатичный парень приезжает в приморский городок чтобы просто побыть собой. Никаких обязательств, никакой спешки. Только море, утренний кофе и лёгкие объятия.

Лёгкий, чувственный и глубокий роман о лете, свободе и восьми совершенно разных женщинах, каждая из которых остаётся в сердце навсегда.

Каждый день приносит новые встречи: дружелюбная продащица мороженого, взрывная волейболистка, загадочная девушка с блокнотом стихов, холодная учёная, зрелая женщина с дорогим виски, тихая грусть на старом пирсе и та, чья любовь становится опасной.

Глеб не ищет серьёзных отношений. Он предлагает честность: «Я не твой, ты не моя. Но пока мы вместе — будем наслаждаться моментом». Отказы принимаются без обид, инициатива переходит к девушкам. Это история о доверии, взрослении и умении жить здесь и сейчас.

Содержание

Глава 1. Море, утро и мороженое	4
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгений Павлов

Отпуск Глеба

Глава 1. Море, утро и мороженое

Я с детства считал, что отношениям мужчины с женщиной не хватает той доверительной и легкомысленнейшей простоты, которая существует между друзьями, решившими вместе принять на грудь.

(2013) Виктор Олегович Пелевин. Бэтман Аполло

Утро, которое пахнет цитрусами

Глеб открыл глаза за секунду до того, как запищал будильник. Вытащил руку из-под одеяла, отключил — и ещё минуту лежал, глядя в потолок. Где-то за окном кричали чайки. Где-то совсем близко дышало море.

Он сел на кровати, потянулся, и позвоночник радостно хрустнул — три отчётливых щелчка. «Живой», — подумал Глеб. «И даже почти проснувшийся».

Босиком прошлёпал к окну, раздвинул лёгкие занавески.

Солнце уже висело над горизонтом, рассыпая по воде блестящую дорожку. Рыбацкие лодки покачивались у причала, как поплавки. На набережной ни души — только чайка с важным видом вышагивала по перилам.

«Хорошо. Даже отлично. Море пахнет так, будто его только что придумали».

Он прошёл в крошечную ванную, по пути налив стакан воды — тёплой, с лимонной долькой, которую предусмотрительно закинул в кружку ещё вчера вечером. Выпил не спеша, чувствуя, как кисловатая свежесть растекается по горлу. Потом — лёгкая зарядка. Никакого геройства: десять минут растяжки, планка (продержался полторы минуты, сам себе удивился), отжимания от пола — три подхода по двадцать. В зеркале напротив отражался парень с широкими плечами, жилистыми руками и лёгкой небритостью, которая делала его не старше, а просто — чуть расслабленнее.

«Норм», — подумал Глеб. — «На пляже не стыдно раздеваться».

Контрастный душ — минута тёплой, минута почти холодной. Кожа горела, кровь бежала быстрее, и это ощущение заводного механизма внутри нравилось ему больше любой музыки. Он вытерся махровым полотенцем, нанёс крем

с SPF50 — не потому что боялся сгореть, а потому что не хотел превращаться в варёного рака на второй день. Потом лёгкий парфюм: цитрус и кедр, не пижонство, а просто кайф.

Надела свежую льняную рубашку — бежевую, с коротким рукавом, заправил в шорты цвета хаки. Сандалии на босу ногу, очки-полярики в нагрудный карман. Вышел на балкон.

Внизу, через дорогу от гостевого дома, уже начинала просыпаться набережная. Бабушка с тележкой пирожков раскладывала товар. Мальчишка лет десяти тащил за собой ярко-зелёный «банан» для катания. Девушка в лёгком платье — силуэт, русые волосы — быстро шла в сторону кафе с ярко-синим навесом.

Глеб проводил её взглядом. Красиво. Но не специально. Просто утро было красивое, и всё вокруг казалось частью одной большой открытки.

Он вернулся в комнату, сунул в карман шорт ключи, телефон и пару купюр. На тумбочке лежал блокнот, где он вчера записал: *«Не забыть: море, завтрак, никуда не спешить»*.

План был хорош. Глеб улыбнулся собственному плану и вышел в лето.

Через минуту он уже бежал трусцой по деревянному настилу набережной — не быстро, в кайф, даже чуть медленнее, чем мог. Просто чтобы чувствовать, как работают ноги, как ветер треплет рубашку, как запах жареных пирожков смешивается с йодом и солью.

«Да, — подумал он, обгоняя сонного кота, который даже не поднял голову. — Второй день, а уже хочется остаться здесь навсегда. Или хотя бы на все две недели».

Он добежал до фонтана с питьевой водой, наклонился, подставил губы под холодную струю. Рядом присела на скамейку старушка и одобрительно кивнула: «Молодой, а зарядку делаешь. Редкость нынче». Глеб улыбнулся ей с полным ртом воды — получилось не очень вежливо, но старушка засмеялась.

Он выпрямился, вытер рот тыльной стороной ладони. Взгляд упал на вывеску: «У мечты». То самое кафе с синим навесом. Та самая девушка — он теперь узнал её — стояла за прилавком и протирала стаканчики для мороженого.

«А почему бы и нет», — подумал Глеб. — «Кофе тут вроде есть. И мороженое. И вообще, я в отпуске».

Он толкнул стеклянную дверь, и колокольчик звякнул по-

летнему — вяло, сонно, но приветливо.

Девушка подняла голову. Глаза карие, почти шоколадные, на носу веснушки, волосы собраны в небрежный хвост. На ней была белая футболка, джинсовые шорты и лёгкая панама, которую она тут же сняла и положила на полку.

— Здравствуйте, — сказала она так, будто ждала его. — Что вам положить?

Глеб посмотрел на витрину с разноцветными шариками. Клубника, шоколад, фисташка, дыня.

— Клубничный. И чтобы растаял по дороге к морю.

Она улыбнулась — не дежурно, а настояще, и положила в вафельный стаканчик не один, а два с половиной шарика.

— Это за что? — удивился Глеб.

— За честность, — ответила девушка. — Ты первый за сегодня, кто не спросил «что побольше и подешевле».

— А я думал, я особенный.

— Особенности обычно не спрашивают. Они берут.

Она протянула ему стаканчик, и их пальцы на секунду встретились. Её — чуть шершавые, в креме для рук, пахнущие ванилью. Его — сухие, тёплые, с ровно подстриженными ногтями.

— Держи. И не ешь слишком быстро, а то мозг замёрзнет.

— А ты тут консультант по мороженому или по жизни?
— спросил Глеб, отходя к столику у окна.

— По настроению, — она оперлась локтями о стойку. —
Сегодня — по твоему.

— Меня Глеб зовут.

— А меня Даша. Приятно быть консультантом.

Он сел, положил стаканчик на столик. Клубника уже начала подтаивать, пуская розовые ручейки в вафельную воронку. За окном проплывала жизнь: велосипедисты, мамы с колясками, парень с доской для сапа. Всё как в замедленной съёмке.

— Ты вообще кто? — спросила Даша, вытирая стойку. —
Турист? Беглец? Писатель, который ищет вдохновение?

— Отдыхающий, — ответил Глеб. — На две недели. Бежать не от кого, искать ничего не надо. Просто — море, завтрак, никуда не спешить.

Даша хмыкнула одобрительно.

— Тогда приходи завтра. У меня смена. Покажу тебе место, где мороженое не тает за минуту. И вид лучше.

— А сегодня?

— Сегодня, — она подмигнула, — у меня экзамен по твоей наглости. Ты пока не сдал.

Глеб откусил от стаканчика — вафля хрустнула. Клубника была сладкой, с лёгкой кислинкой. Прямо как разговор.

«Ничего, — подумал он, глядя, как Даша поворачивается к следующему покупателю. — Завтра так завтра. У меня впереди целое лето».

Колокольчик на двери звякнул снова — кто-то вошёл. Глеб даже не обернулся. Он просто сидел у окна, ел мороженое и чувствовал, как первый день отпуска становится чуточку лучше, чем он планировал.

А это дорогого стоило.

Пляж, волейбол и один неправильный мяч

Глеб доел мороженое, слизал последние розовые капли с тыльной стороны ладони и вышел из кафе. Колокольчик звякнул прощально. Даша уже обслуживала новую очередь — парней в шортах с надписью «*I love Spb*» и девушку с ребёнком, которая никак не могла выбрать между шоколадом и пломбиром.

«Завтра», — напомнил себе Глеб и улыбнулся чему-то своему.

Солнце поднялось выше, но жара ещё не навалилась — тот идеальный час между утром и полуднем, когда море выглядит как стекло, а песок ещё не обжигает пятки. Глеб скинул сандалии, повесил их на рюкзак и пошёл босиком по деревянному настилу. Доски были тёплые, гладкие, с щелями, куда проваливался мелкий песок.

Народу на пляже заметно прибавилось. Компания девчонок расстелила полотенца прямо у воды, и одна из них, рыжая и веснушчатая, крикнула ему: «Привет, красавчик!» Глеб кивнул, не сбавляя шага, и слышал сзади приглушённый

ный визг. Ему было неловко, но приятно. Совсем чуть-чуть.

Он прошёл мимо спасательной вышки, мимо лавки с пончиками, мимо мужчины, который продавал кукурузу и кричал в мегафон: «*Горячая, сладкая, только с пару!*» Всё это было такое настоящее, такое *курортное*, что Глеб поймал себя на мысли: «А ведь я счастлив. Прямо сейчас. Без причины».

Дорожка свернула на песок, и он оказался на открытой площадке, где две команды самозабвенно гоняли мяч через сетку. пляжный волейбол. Девушки в топах и шортах, парни загорелые до черноты, громкие крики: «*Моя!*», «*Принимай!*», «*Эй, смотри!*»

Глеб остановился в тени пальмы, присел на корточки и принялся наблюдать. Не то чтобы ему было очень интересно — скорее, он просто отдыхал глазами на быстрых движениях, на блестящих от пота спинах, на мяче, который мелькал туда-сюда.

Особенно выделялась одна. Невысокая, но очень резкая. Тёмный хвост мотался из стороны в сторону, мышцы на руках перекачивались под кожей — видно, спортсменка. Она брала почти все мячи, кричала на партнёршу: «*Короче! Бей короче, я сказала!*» — и, судя по всему, ненавидела проиг-

рывать.

Глеб невольно залюбовался. Не в пошлом смысле — просто зрелище было красивое. Прыжок, удар, мяч врезается в песок, никто не достал. Девушка вскинула кулак: «Да!»

А в следующий момент всё пошло не по плану.

Мяч после чьего-то неудачного удара вылетел за пределы площадки, описал дугу и с глухим «бум» приземлился Глебу прямо в лицо.

Несильно. Даже не больно — скорее неожиданно. Мир на секунду потемнел, перед глазами вспыхнули оранжевые круги. Глеб машинально прижал ладонь к скуле — тёплую, чуть мокрую от мяча, но без крови.

— Твою мать! — раздался звонкий голос. — Ты вообще смотреть умеешь?

Та самая девушка уже бежала к нему — не извиняться, судя по лицу, а добивать. Хвост распушился, глаза серые, брови сдвинуты к переносице.

Глеб поднял голову, потрогал скулу ещё раз и вдруг улыбнулся.

— Приятно познакомиться, — сказал он. — Меня Глеб зовут. А тебя?

Девушка замерла на полшага. Такого ответа она явно не ожидала.

— Ты... чё? — выдохнула она. — Тебе мячом в морду прилетело, а ты знакомишься?

— А что мне делать? Плакать? — Глеб поднялся на ноги, отряхнул колени. — Ты слишком хорошо подаёшь. Если бы чуть левее — я бы ещё успел увернуться.

Она не поняла — шутка это или серьёзно. И это её ещё сильнее разозлило.

— Мяч давай, — процедила она, протягивая руку. — И проваливай отсюда. Не стой под сеткой, не мешай.

— Мяч? — Глеб посмотрел на валяющийся рядом мяч, потом на девушку. — А извиниться?

— За что? — она вскинула подбородок. — Сам не смотрел.

Глеб наклонился, поднял мяч, покрутил в руках — жёлтый, слегка потёртый, пахнувший пылью и солнцем.

— Ладно, — он протянул ей мяч. — Держи. И знаешь что? Ты здорово играешь. Даже когда орёшь.

Девушка выхватила мяч, развернулась и уже сделала шаг в сторону площадки, но на полпути обернулась.

— Полина, — бросила она через плечо. — И в следующий раз в глаз попаду. Серьёзно.

Глеб поднял бровь.

— Так мы ещё увидимся?

— Не надейся, — крикнула она, уже переходя на бег.

И скрылась за сеткой, где её партнёрша с опаской протягивала ладонь для хлопка.

Глеб снова потрогал скулу. Кожа чуть припухла, но не болело. Внутри вдруг разлилось странное тепло — не от солнца, а от этого короткого разговора. Такая колючая, нелепая и, кажется, очень одинокая девчонка.

«Полина, значит, — подумал он. — Огонь. Не мой тип. Или всё-таки мой?»

Он ещё постоял минут пять, глядя, как она с удвоенной яростью вколачивает мячи в песок. Потом пожал плечами, сунул руки в карманы шорт и пошёл дальше — туда, где набережная сворачивала к пирсу, а вода становилась глубже и темнее.

Чайки кружили над головой, орали, и одна из них, самая наглая, спикировала к недоеденной булочке на скамейке. Глеб смотрел, как она клюёт крошки, и улыбался.

«Хорошее утро, — сказал он себе. — Даже мяч в лицо — это уже приключение. А приключения я люблю».

Он не знал, что самое интересное ждало его впереди — уже через несколько часов, на старом пирсе, в сумерках. Но это будет в другой сцене.

А пока море дышало, чайки кричали, и где-то далеко, на волейбольной площадке, Полина с хрустом забила очередной мяч и зло прошептала: *«Тожэ мне, красавчик»*. Но губы у неё при этом почему-то дрожали.

Мороженое, отказ и никаких обид

Глеб не пошёл сразу в номер. Вместо этого он свернул с набережной на узкую улочку, где пахло жареной рыбой и старым деревом, купил бутылку холодной минералки и сел на скамейку в сквере. В тени платана было градусов на пять прохладнее, чем на солнце, и он с наслаждением вытянул ноги.

Из динамиков ближайшего кафе доносилось что-то итальянское, медленное и совсем не летнее, но Глебу нравилось. Он пил воду, смотрел на прохожих и думал о Даше. Не влюблённо, нет — скорее с любопытством. «Она странная, — размышлял он. — Улыбается как ребёнок, а отказывает как взрослая. И не обижается, когда не уговаривают. Редкость».

Он достал телефон, посмотрел время. Половина второго. Его смена, кажется, до трёх. Или до четырёх? Глеб понял, что хочет увидеть её ещё раз сегодня. Не для того, чтобы давить, не чтобы дожимать — просто было приятно находиться рядом. Как под солнцем, только без риска обгореть.

Он встал, сунул телефон в карман и пошёл обратно к набережной. Не спеша, останавливаясь у каждой витрины с магнитами и ракушками, разглядывая открытки с видами города. Купил себе солнечные очки — совсем не нужные, но смешные, в жёлтой оправе. Продавщица, пухлая тётя в фар-

туке, сказала: «Вам идёт, молодой человек». Глеб ни секунды не верил, но улыбнулся.

У кафе «У мечты» он оказался без четверти три. За стойкой стояла уже не Даша — другая девушка, с чёлкой и надутыми губами. Глеб заказал чёрный кофе, сел за тот же столик у окна и принялся ждать.

Кофе был крепкий, горьковатый, с осадком на дне. Он пил медленно, наблюдая, как сменщица собирает грязные стаканчики, вытирает стойку, считает чаевые. В половине четвёртого дверь кафе открылась, и вошла Даша — уже без фартука, в лёгком ситцевом платье до колен, с тем же небрежным хвостом.

Она увидела его и остановилась.

— Ты? — спросила не столько удивлённо, сколько вопросительно.

— Я, — Глеб поднял пустую чашку. — Пил кофе. Твой кофе лучше.

— Это была Ленка, — усмехнулась Даша. — Я кофе вообще не варю. Ты просто голодный.

Она подошла к его столику, потянула стул и села напротив, не спрашивая разрешения. От неё пахло ванилью и мылом — так пахнет от людей, которые только что отошли от прилавка и ещё не успели стать собой.

— Что, нет других дел? — она положила подбородок на сложенные руки и уставилась на него в упор.

— Есть, — серьёзно ответил Глеб. — Вот сижу, делаю. Отдыхаю.

Даша фыркнула.

— Отдыхающий, значит. — Она помолчала. — Ладно. Хочешь, покажу тот вид? Не за мороженым, а просто. Сегодня. У меня смена кончилась.

Глеб помедлил секунду. Потом сказал:

— Хочу. Но сначала договоримся.

— О чём? — Даша насторожилась, но не отшатнулась.

— Я могу предложить кое-что. Неприличное. А ты можешь отказать. И тогда мы просто пойдём смотреть на море. Договорились?

Она смотрела на него, чуть прищурившись, и веснушки на её носу казались особенно яркими на фоне бледного утреннего загара.

— Валяй, — сказала она. — Предлагай.

— Если место такое красивое, как ты говоришь, может, мы останемся там вдвоём не только смотреть? — Глеб не отводил взгляд, но в голосе не было ни давления, ни пошлости. Просто констатация факта. — Я имею в виду не мороженое.

Даша выдохнула. Не зло, не обиженно — скорее, как человек, который только что решил сложный пример.

— Глеб, — сказала она мягко. — Ты хороший. Правда. Смешной, и взгляд у тебя честный. Но я не сплю в первый день. Даже с такими, как ты. Даже с очень красивыми и умными.

— С такими, как я? — он улыбнулся. — Это какими?

— Которые уедут через две недели, — ответила Даша. — А я останусь. И мне потом смотреть на это место и вспоминать, как меня быстро разложили на песочке. Не хочу.

Глеб кивнул. Никакого разочарования, никакой обиды — только спокойное принятие.

— Понял, — сказал он. — Тогда просто пойдём смотреть на море. Без песочек. И без раскладываний.

Даша облегчённо улыбнулась — так ярко, что Глеб на секунду пожалел, что она отказала. Но жалость быстро прошла. Он не умел жалеть о том, чего не случилось.

— Ты странный, — сказала Даша. — Обычно парни начинают: «ну почему, ну давай, ну только один раз». А ты — нет.

— Я не уговариваю, — Глеб пожал плечами. — Предложил. Ты отказала. Всё. Если передумаешь — я буду знать. Если нет — тоже буду знать. Давай уже, показывай свой вид.

Она встала, поправила хвост и вдруг наклонилась к нему близко-близко — так, что он почувствовал её дыхание на своей щеке.

— За то, что не уговариваешь, — шепнула Даша, — я дам тебе фору. Может быть, завтра. Может быть, послезавтра. А может, никогда. Увидишь.

И, не дожидаясь ответа, выскользнула на улицу.

Глеб допил остатки холодного кофе, кинул на стол пару купюр и вышел следом. Солнце уже не было таким ласковым — оно припекало, палило, заставляло щуриться даже сквозь новые дурацкие очки.

Даша ждала его у перил, прислонившись к столбу.

— Идём, — сказала она, беря его за руку. — Только честно: если начнёшь заново предлагать — уйду.

— Слово, — Глеб поднял свободную ладонь. — Я просто смотрю. На море. И на тебя. Визуально.

Даша засмеялась — звонко, по-девчоночьи — и потянула его за собой вдоль набережной, туда, где пирс уходил в воду, а чайки кружили над самой волной.

Глеб шёл, сжимая её тёплую ладонь, и думал: «А ведь хорошо. Даже когда отказывают — хорошо. Потому что это не конец, а просто пауза. И я умею ждать».

А пока — море, Даша, детский смех с соседнего пляжа и тёплая рука в его руке.

И никаких обид.

Пирс, сумерки и девушка, которая не улыбается

Они прошли вдоль набережной, свернули на деревянный настил, который уводил далеко в море. Старый пирс — Глеб видел его вчера из окна, но не доходил до конца. Даша шагала быстро, иногда оглядывалась, проверяя, не отстал ли он.

— Ты всегда так много ходишь? — спросил Глеб, догоняя.

— Только когда хочу показать что-то стоящее, — ответила она, не оборачиваясь. — Туристы обычно доходят только до лавки с сувенирами. А дальше — лень.

— А я не турист. Я отдыхающий.

— Это одно и то же.

— Нет. Турист бегает с камерой и списком достопримечательностей. Отдыхающий — сидит на пирсе и смотрит на воду.

Даша остановилась, повернулась к нему. Ветер трепал её хвост, выбивая из резинки тонкие пряди.

— И что ты видишь? — спросила она.

— Воду, — честно ответил Глеб. — И тебя. Этого достаточно.

Она хмыкнула, но не стала спорить. Пошла дальше. Пирс был почти пуст — только пара рыбаков у самого края и мальчишка, который пытался поймать краба сачком. Доски под ногами поскрипывали, иногда прогибались, и Глеб чувствовал сквозь сандалии их тёплую, выбеленную солнцем поверхность.

— Как называется это место? — спросил он.

— Старый мол, — ответила Даша. — Раньше здесь швартовались грузовые суда. А теперь — только чайки и такие как мы.

— Такие как мы — это какие?

— Которым некуда спешить.

Она села на самый край, свесив ноги вниз. Вода плескалась метрах в трёх — не страшно, но и не близко. Глеб сел рядом, оставив между ними полметра. Не потому что стеснялся, а потому что не хотел нарушать её личное пространство. Даша смотрела на горизонт, где небо уже начинало зо-

ЛОТИТЬСЯ, ГОТОВЯСЬ К ЗАКАТУ.

— Красиво, — сказал Глеб.

— Да, — она чуть повернула голову. — Знаешь, я часто прихожу сюда одна. Думаю о всяком.

— О чём, например?

— О том, почему люди не умеют просто сидеть. Им обязательно нужно говорить, делать, трогать. А тут можно молчать. И это не больно.

Глеб промолчал. Минуту, две, три. Чайка пролетела прямо над ними, каркнула — Даша проводила её взглядом и вдруг улыбнулась.

— Ты молчишь, — заметила она.

— Ты сказала, что молчать — не больно, — ответил Глеб.
— Вот я и молчу. Экспериментирую.

Она засмеялась — тихо, почти без звука. Потом положила голову ему на плечо. Он не двинулся, не обнял, просто дал ей так сидеть. Руке было удобно, и пахло от неё по-прежнему ванилью и морем.

— Глеб, — сказала она через минуту.

— Мм?

— Ты правда не обиделся? Ну, когда я отказала.

— Правда. Я же сказал: предложил — нет — забыли. Если ты когда-нибудь захочешь по-другому — скажи. А не захочешь — тоже скажи. Мне и так хорошо.

Даша отняла голову, посмотрела ему в глаза. Карие, почти шоколадные, с крошечными золотыми искрами в глубине.

— Ты опасный, — сказала она серьёзно. — Потому что не давишь. А от этого хочется поддаться ещё сильнее.

— Это не опасность, — Глеб улыбнулся. — Это уважение. Разные вещи.

Она хотела что-то ответить, но в этот момент на другом конце пирса появилась фигура. Девушка. Шла медленно, будто неслышно, в сером мешковатом свитере — хотя вечер был тёплым, даже душным. Волосы русые, тусклые, лицо бледное. Она не смотрела по сторонам, не замечала ни рыбаков, ни мальчишку с сачком, ни Глеба с Дашей.

Прошла мимо них в трёх метрах — и Глеб вдруг почувствовал странный холодок. Не от ветра. Что-то в этой девушке было не так. Или слишком так.

Даша тоже заметила.

— Это Вера, — сказала тихо. — Местная. Она часто здесь сидит. Обычно одна. И поздно.

— Странная? — спросил Глеб.

— Не странная. Грустная. Очень. — Даша помолчала. — Говорят, у неё была беда. Но она ни с кем не говорит. Так что никто не знает.

Девушка — Вера — остановилась у самого края пирса, села на бетонный парапет, обхватив колени длинными бледными руками. И замерла. Как статуя. Даже не шевелилась.

— Пойдём, — сказала Даша, вставая. — Не будем мешать. Ей лучше одной.

Глеб поднялся, отряхнул шорты. Но перед уходом бросил последний взгляд на Веру. Она сидела, смотрела на воду, и лицо у неё было такое, будто она уже видела всё, что может

показать жизнь, и ничего хорошего там не нашла.

— Ты идёшь? — позвала Даша.

— Иду, — ответил Глеб и пошёл за ней, но в голове уже засел этот образ. Бледное лицо. Острые колени. Пустота. Не деланная, не подростковая — настоящая, выстраданная.

«Вера, — повторил он про себя. — Что же с тобой случилось, Вера?»

Они вернулись на набережную, когда уже начали зажигаться фонари. Даша сказала, что ей пора домой — мама ждёт ужин, да и завтра рано вставать. Глеб кивнул, не предлагая провожать, не навязываясь.

— Спасибо за пирс, — сказал он. — И за честность.

— Спасибо, что не дурак, — ответила Даша. — Завтра приходи. К трём. Сменщица заболела, так что я буду одна. Можем просто поболтать. Без раскладываний.

— Договорились.

Она ушла быстро, почти побежала, оглянулась только раз — у самого поворота. Помахала рукой. Глеб помахал в ответ

и остался стоять на набережной, глядя, как гаснет закат.

А потом, сам не зная зачем, повернул обратно — к пирсу.

Было уже почти темно. Фонари горели через один, и последняя треть настила уходила в черноту. Рыбаки ушли. Мальчишка с сачком тоже. Только Вера осталась на своём месте — съёжившись ещё сильнее, будто пыталась стать незаметной.

Глеб подошёл не сразу. Постоял в десяти метрах, потом сделал несколько шагов, сел на парапет — далеко, в метре от неё. И замер.

Она не повернулась. Не сказала ни слова. Просто продолжала смотреть в воду. Но Глебу показалось, что её дыхание стало чуть глубже — то ли от страха, то ли от удивления.

Они сидели молча. Минуту. Две. Пять.

Потом Вера сказала, не оборачиваясь:

— Ты тоже хочешь прыгнуть?

Голос — тихий, ровный, без интонаций. Как будто она спросила, который час.

— Нет, — ответил Глеб. — Просто дышу.

Она чуть повернула голову — он увидел бледный профиль, острый нос, тени под глазами.

— Странный, — сказала она. — А я думала, все такие же пустые.

— Может, и такие, — Глеб выдержал паузу. — Но не все это показывают.

Вера больше не сказала ни слова. Через минуту она встала, бесшумно, как тень, и пошла прочь — не оглядываясь. Глеб остался сидеть, глядя ей вслед, пока фигура не растворилась в темноте.

На бетоне рядом с ним остался маленький влажный кружок. От слезы? От росы? Он не знал.

Но знал, что завтра обязательно вернётся сюда.

И принесёт с собой термос.

Вечерний ритуал и тихая загадка

Глеб вернулся в гостевой дом, когда часы на ратуше пробили десять. В коридоре пахло варёной кукурузой и чем-то цветочным — соседка снизу, кажется, опять меняла освежитель воздуха. Он прошёл в свой номер, щёлкнул выключателем, и тёплый жёлтый свет залил небольшую комнату.

Разделся, повесил рубашку на спинку стула — так, чтобы не мялась. Швырнул шорты в корзину для белья. В ванной умылся прохладной водой, долго смотрел на своё отражение. Припухлость под глазом после встречи с Полининым мячом почти прошла, осталась только лёгкая краснота.

«Ничего, — подумал он. — Завтра будет синяк. Красиво будет. Как боевая раскраска».

Он принял душ — тёплый, неспешный, давая воде стекать по спине и смывать пыль, пот, соль. Запахло гелем с мятой и мёдом. Потом нанёс увлажняющий крем на лицо и руки — движение механическое, но приятное. Кожа благодарно задышала.

Надел домашние льняные штаны, сел на пол, скрестив ноги. Подушку не взял — пол был тёплым, и лёгкая жёсткость помогала сосредоточиться.

Медитация. Двадцать минут.

Он закрыл глаза, выровнял дыхание. Вдох — четыре секунды. Задержка — две. Выдох — шесть. Мысли лезли, как назойливые мухи: Даша, её веснушки, тёплая рука. Полина, злая и красивая. Вера — бледное лицо, острые колени, тихий голос *«ты тоже хочешь прыгнуть?»*

Глеб мягко отпустил каждую картинку, как воздушный шарик, и вернулся к дыханию. Чистое небо внутри. Ничего лишнего.

Когда таймер на телефоне пикинул, он открыл глаза. В комнате стало темнее — уличный фонарь за окном погас, но из-за штор пробивался лунный свет. Глеб поднялся, заварил себе чай — мята, лимон, ложечка мёда. Сел к открытому окну, поджав ноги по-турецки.

Чай был горячим, почти обжигающим. Он пил маленькими глотками, слушая, как море дышит в темноте. Прилив усиливался — волны бились о сваи набережной глуше и чаще, чем днём.

Он взял блокнот, открыл на чистой странице и записал:

«День 1.

— Утренняя пробежка. Хорошо.

— *Мороженое у Даши. Она отказала. Это нормально. Интересно, передумает ли.*

— *Полина — мяч в лицо. Злая колючка. Приду завтра на волейбол.*

— *Вера. Вечер на пирсе. Молчаливая, пустая, но не злая. Что с ней случилось?*

Чай, медитация, спать. Завтра — снова море».

Он перечитал, усмехнулся и отложил блокнот. Выключил свет, откинулся на подушку. Сквозь приоткрытую штору пробивался лунный луч и рисовал на потолке неровный прямоугольник.

Глеб закрыл глаза и уже начал проваливаться в сон, когда услышал странный звук. Будто кто-то шёл по гравию за окном. Шаркающие шаги. Остановились. Секунда тишины — и снова пошли, удаляясь.

Он не выглянул. Просто подумал: *«Поздно для прогулок. Может, Вера. А может, другой кто. Неважно».*

Но краем уха, уже засыпая, уловил тихий плеск — будто кто-то сел на край пирса и опустил ноги в воду.

«Завтра, — подумал Глеб в последний раз перед тем, как сознание растворилось. — Завтра всё пойму».

И море убаюкало его своим тёмным, древним шёпотом.

Глава 2

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.